

Социологическое обеспечение экономической реформы

© 1990 г.

Л. М. МАРЦЕВА

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТРУДА В СССР

МАРЦЕВА Лидия Михайловна - кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории социализма Омского института инженеров железнодорожного транспорта.

Необходимость перестройки советского общества продиктована деформацией основополагающих принципов социализма в последние десятилетия. Для успеха начавшихся преобразований необходим всесторонний анализ того, что именно оказалось деформированным, какие принципы социализма были извращены или оказались не реализованными. Речь идет о фундаментальных вопросах — формах собственности, демократизации политической системы, социально-классовой структуре, национальных отношениях. Первостепенное место должны занять проблемы труда.

В беспристрастном анализе нуждается прежде всего специфика собственно социалистического труда, в частности, всеобщий обязательный труд как исходная основа социализма. Этот принцип оформился уже в ранних социалистических учениях, стал сквозной темой утопического и научного социализма. Начиная с Конституции РСФСР 1918 г. и кончая «Основами законодательства Союза ССР и союзных республик о труде», принятыми в марте 1988 г., всеобщий обязательный труд рассматривается как основа трудовых отношений и законный источник средств жизни граждан. Более 70 лет являясь конституционной нормой страны, всеобщая обязательность труда никогда не подвергалась сомнениям со стороны теории и практики.

Утопический социализм выдвинул требование «все люди должны работать» (Сен-Симон) как необходимое условие достижения социального равенства. Изучение причин социального неравенства и классовых антагонизмов привело домарксистских социалистов к заключению, что эти явления прямо связаны с неравным распределением труда в обществе, где паразитические классы и сословия существуют за счет присвоения овеществленного и живого труда. На эту привилегию правящих классов — «огромного числа знатных, которые ... живут в праздности, будто трутни, трудами других», — указал уже Томас Мор [2]. Разделив общество по принципу участия в труде на паразитические и трудящиеся классы, угадав в неравном распределении труда источник образования частной собственности, утопические социалисты выдвинули идею всеобщего обязательного труда как условия ликвидации частной собственности. Это положение вошло в «Манифест Коммунистической партии» в виде программного требования: «Одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия» [1].

Относительно равномерное распределение труда между всеми без исключения членами общества означало бы сокращение трудового участия для одних за счет вовлечения в общественно полезный труд других. Этот принцип социализм всегда рассматривал как главное условие ликвидации социального неравенства в сфере производства, присвоения, распределения и потребления.

В статье «Маркс и западный мир» Э. В. Ильенков объясняет обращение молодого Маркса к коммунистическим идеям тем, что, еще не будучи коммунистом, Маркс рассматривал факт их распространения как симптом, или теоретически наивную форму выражения вполне реальной коллизии, назревающей внутри социального организма передовых стран Европы [3]. Изучая распределение труда в обществе, утописты привлекли внимание к следующим социальным проблемам: 1) взаимосвязь неравного распределения труда с отношениями собственности; 2) деление общества по принципу участия в труде на паразитические и трудящиеся классы и социальные группы; 3) разделение собственно труда на производительный и непроизводительный, общественно полезный и «бесполезный». Эти аспекты труда внутри нашего социального организма и сегодня требуют пристального внимания, хотя читатель может упрекнуть нас в теоретической наивности выражения вполне реальной ситуации. Наивность усугубляется лукавством цифр, которыми приходится оперировать.

Из 288,8 млн. населения страны на январь 1990 г. трудоспособное исчислялось в 164 млн. человек, из которых в народном хозяйстве было занято 139 млн. Если вычтуть из оставшихся 25 млн. трудоспособных, не занятых в системе общественного труда, 12 млн. обучающихся с отрывом от производства, то обнаруживается 13 млн. трудоспособных людей, не занятых никаким трудом. Факт такого числа «свободных трудовых ресурсов» впервые признал в январе 1990 г. Госкомстат СССР [4]. По его же оценкам на июль 1989 г., неработающее трудоспособное население составляло 6 млн. человек [5]. Увеличение всего за полгода числа неработающих в два с лишним раза — тревожный симптом.

Лукавство наших цифр ведет к тому, что им трудно верить и еще труднее с ними работать. Например, на июнь 1989 г. Госкомстат СССР называет число трудоспособного населения в 160 млн., а на январь 1990 г. — 164 млн., что означает прирост трудовых ресурсов страны за полгода на 4 млн. человек. Но Госкомстат сообщает, что за год они увеличились на 0,9 млн. По итогам 1988 г. Госкомстат оценивает число занятых в общественном народном хозяйстве в 128,6 млн., а по итогам 1989 г. — 139 млн. Но увеличение работающего населения почти на 10 млн. за год (вспомним, что в США уровень безработицы в последнее десятилетие держится в районе 7-8 млн) не подтверждается незначительным ростом кооперативного (на начало 1990 г. называется 2,9 млн. человек) и индивидуального секторов (0,3 млн.), а также личного подсобного хозяйства (4 млн.), которые увеличиваются главным образом за счет оттока рабочей силы из государственной сферы экономики [6]. Поэтому, если взять за основу число занятого трудоспособного населения в "130 млн. [7, с. 19], то оказывается, что из 164 млн. трудоспособного не работает порядка 34 млн. человек, из которых 12 млн. студентов, а более 20 млн. (не исключено и «около» 39 млн.) — это «свободные трудовые ресурсы» активного трудового возраста. Вывод: численность трудоспособного населения, не занятого общественно полезным трудом, нуждается в уточнении.

Подобную «небрежность» оценок зарубежная статистика, как правило, не допускает. Например, из 243,9 млн. населения США трудоспособное составляет 138,1 млн. [7, с. 19], более 119 млн. из них занято в общест-

венном производстве. Из оставшихся 19 млн. экономически активного населения 12 млн.—студенты и 7,4 млн.—безработные [8, с. 166, 395]. Здесь статистика позволяет свести концы с концами и представить совершенно определенную структуру занятости населения США без недомолвок и противоречий.

Уточнить число неработающего трудоспособного населения в нашей стране весьма непросто, т. к. из справочников последних лет «исчез» показатель распределения населения по источникам средств существования. Анализируя общее недопустимое состояние отечественной статистики и издержки организации Всесоюзной переписи населения в 1989 г., программирующие неточность ее итогов, М. С. Тольц отмечает, в частности, предполагаемые искажения из-за неверного учета или вообще отсутствия данных об источниках средств существования [9].

Неработающее трудоспособное население превратилось в острую социальную проблему. В республиках Средней Азии, Закавказья, на Северном Кавказе, в Казахской ССР в числе граждан, официально предупрежденных милицией о необходимости трудоустройства, лица в возрасте 18—29 лет в 1989 г. составили около 40%, в Грузинской ССР — 50% [5], в Таджикистане не работает 25% трудоспособного населения. В Хорезмской области в промышленности работает всего 4% трудоспособных, в результате чего в область ввозятся все необходимые продукты [10]. Резервная армия труда в Киргизии оценивается в 60 тыс. человек [11]. По оценкам статистиков, в целом на территории среднеазиатских республик в 1988 г. незанятых в общественном производстве было порядка двух млн. человек, или 13% населения трудоспособного возраста. В сельской местности республик бредней Азии сосредоточено более 2/3 трудоспособного населения, не вовлеченного в общественный труд; «значительная часть этого контингента занята в домашнем и личном подсобном хозяйстве». (А где остальная часть и какое число она составляет от «значительной»?) Автор этих подсчетов полагает, что «представления о трудоизбыточности Средней Азии нуждаются в пересмотре», предлагая лиц, занятых в личном хозяйстве, оценивать как «занятых общественно полезным трудом» [12]. Энгельс в свое время критиковал Дюринга, полагавшего, что «игра в кегли и прогулка», поскольку они требуют затраты времени и сил, могут рассматриваться как выполненная работа. Фурье относил занятых домашним хозяйством к «домашним паразитам». Думается, проблема здесь сложнее и связана со степенью обобществления труда, с уровнем его материально-технического оснащения, с особенностями традиционного национально-исторического землепользования в Средней Азии, для которого не найдены соответствующие социальные формы организации. Бюро по трудоустройству через прессу и путем объявлений постоянно приглашает людей на рабочие специальности в коммунальное хозяйство, производство, строительство и не находит предложения. Поэтому рекомендации ученых Средней Азии решать проблему занятости путем возведения и размещения здесь производственных мощностей, нельзя принимать на веру. Невольно возникает вопрос: кто будет строить и потом работать на этих предприятиях? Не получится ли так, что это будет «лимита», «мигранты» и «малый народ» среди коренного населения, как это уже известно по ряду республик? Представляется, что в этом плане нужно основательное изучение традиционных национальных видов и форм хозяйствования, развитие такого производства, которое было бы органично для народов Востока и Закавказья.

Следует признать, что проблема свободных от общественного производства лиц (исчисляемая в миллионах) существует как проблема отдельных республик и страны в целом. В этой связи заслуживают анализа «идеи» о введении свободного рынка труда, о безработице как факто-

ре повышения его дисциплины и производительности. «Надо бесстрашно и по-деловому обсудить,— предлагает Н. Шмелев,— что нам может дать сравнительно небольшая резервная армия труда, не оставляемая, конечно, государством полностью на произвол судьбы... Реальная опасность потерять работу, перейти на временное пособие или быть обязанным трудиться там, куда пошлют,— очень неплохое лекарство от лени, пьянства, безответственности» [13]. Однако «реальная опасность потерять работу» пока не грозит рабочим, особенно в трудоемком производстве, работникам, занятым непосредственно сельскохозяйственным трудом, учителям, практикующим врачам, которых и сейчас не хватает даже в крупных городах, не говоря о «глубинке». Такая «опасность» реально может угрожать главным образом чиновникам. И если от страха они «повысят производительность труда » и будут писать не по одной, как сейчас, а по две бумаги на душу населения, то вряд ли это решит проблему «лени, пьянства и безответственности».

Идеи о свободном рынке труда и безработице ставят вопрос: нужно ли их вводить? Или следует признать тот факт, что безработица существует уже не только в скрытой форме (ничегонеделанье на рабочем месте), но и в открытой — как незанятость нескольких миллионов человек трудоспособного населения в общественно полезном труде?

Признание безработицы фактом нашей жизни потребовало бы перехода от дискуссий к конкретным мерам помощи безработным со стороны государства. Нужны реальные экономические и социально-правовые гарантии конституционного права человека на труд, соответствующие меры со стороны общества по предоставлению работы или выплаты пособий как законного источника существования при неспособности государства обеспечить человека работой. Так встает вопрос о социальном статусе безработного и об обязанностях государства в отношении лиц, которым оно не может обеспечить трудовой занятости. Нужны правовые критерии, по которым можно было бы квалифицировать: идет ли речь о тунеядстве, т. е. о нежелании работать, или о безработице, т. е. о невозможности найти сферу приложения своего труда?

В случае тунеядства мы должны говорить о *праве* общества (через социально-экономические и правовые механизмы) привлекать человека к труду и определять для него трудовые источники доходов. В другом случае — об *обязанностях* государства перед лицом, которому оно не может предоставить трудовых источников существования. В целом надо признать, что в стране назрела непростая ситуация, связанная с существованием значительной (исчисляемой миллионами человек) доли трудоспособного населения, не имеющего законных, т. е. трудовых источников дохода и средств жизни.

Утописты связывали трудовую незанятость с ростом бродяжничества, преступности и других социальных аномалий. Зарубежная, а в последнее время и отечественная наука видят здесь социальные корни правонарушений, которые используются как средство добывания нетрудовых доходов. В 1989 г. темпы прироста противозаконных действий приобрели угрожающий характер и в сравнении с 1988 г. составили: 26,8% умышленных убийств и покушений на убийства, 47,3 % тяжелых телесных повреждений, 73,4% разбойных нападений, 25,4% хищений оружия и боеприпасов, 39,4% других тяжких преступлений [14]. Кражи личного имущества граждан увеличились в 1,5 раза, государственного и общественного имущества — в 1,7 раза [4].

Рост преступности связан с углублением имущественной, экономической дифференциации общества. Яркий пример дали исследования в Латвии, где на 3% вкладов сосредоточено более половины общей суммы организованных сбережений в республике (по другим регионам подобные

данные не сообщались). Средняя сумма сбережений у этих вкладчиков составляет 23,7 тыс. руб. Разрыв же с остальными 97% вкладчиков оказался примерно 32-кратным; в СССР около 40 млн. человек имели в 1989 г. среднемесячный доход ниже 75 руб. [15]. От 100 до 200 руб. получали 54,5% населения и только 17,2% имели среднемесячный доход от 200 и свыше 250 руб. [14, с. 3]. Средний доход населения СССР можно сравнить с официальным уровнем бедности в США, где он определялся в 1989 г. для семьи из 4 человек в 11611 долл. [16], или с показателями валового продукта и личного потребления на душу населения в разных странах, где СССР занимает 68-е и 77-е места соответственно [17]. В этот же период ежегодный оборот теневой экономики оценивался от 70 до 150 млрд. руб. [15, с. 1]. Примеры подобного рода подтверждают усиливающуюся тенденцию к углублению экономической дифференциации общества. И если следствием социальной коллизии являются общественные пороки (правонарушения, проституция, наркомания, самоубийства, бродяжничество и т. д.), то ее причины прямо связаны с распределением труда в обществе. Иначе говоря, совокупный общественный продукт, производимый только частью работающего населения, изымается у непосредственных производителей законными и незаконными способами для распределения и перераспределения в пользу непродуцирующих социальных групп.

Составить ясное представление о реальной занятости населения нашего общества в море лукавых цифр трудно. Справочник «Народное хозяйство СССР за 70 лет» называет 73 и 27% занятых в материальном производстве и в непроизводственной сфере соответственно [18, с. 411]. Но в эти проценты входят обнаруженные недавно 18 млн управленцев, которые составляют 14% от общего числа работающих в народном хозяйстве. В США в государственном аппарате занято 5 млн. человек, или 6,7% [8, с. 191]. Справочники СССР, начиная с 1960 г., называют неизменные два процента занятых в аппарате управления, в кредитовании и государственном страховании [19, с. 360]. Подобная цифра никак не соотносится ни с 18 млн. официально заявленных управленцев, ни без малого 40 млн. их, что предполагает С. Андреев [20]. Речь идет скорее об аппарате управления внутри управленцев. Выделить же всех управленцев из сводных статистических таблиц, где они чаще всего растворяются в названии «служащие», не представляется возможным.

«В обществе сформировался целый слой, который не назовешь эксплуататорским, ибо формально на него никто не работает, но уж паразитическим его назвать есть полное право. Он жил (и частично продолжает жить) в таких условиях, что будущим жителям коммунистического общества и не приснится»,—пишет Г. Хватков [21]. Так звучала в наши дни терминология утопистов. Можно понять Г. Хваткова, который сообщает о паразитическом слое, оговаривая, что он не является эксплуататорским. Но поскольку паразитировать можно только за счет присвоения чужого труда, то вопрос об эксплуататорской сущности подобного разделения общества — по участию в общественно полезном труде — возникает сам собой. Иначе нельзя объяснить ежегодные 40 млрд. руб. на содержание только управленческого аппарата [22].

По сообщению Министерства обороны СССР, в соответствии с Законом «О государственном бюджете СССР на 1990 год» общая сумма расходов на оборону в этом году составит 70975,8 млн. руб., т. е. на 8,2 ниже, чем в 1989 г. Содержание армии и флота определяется в 19323,3 млн. руб. Общая численность Вооруженных Сил СССР на 1 января 1990 г. указывается в 3993,0 тыс. человек — почти 4 млн. [23]. По данным американского журнала «Лайф», в ВС США в 1989 г. действительную военную службу проходили 2,1 млн. человек [24].

Невозможно составить представление о трудовом вкладе военнослужащих в мирное народное хозяйство, об использовании их для нужд общества или, наоборот, о расточительстве живого труда наиболее здоровой и дееспособной части населения. Нет данных о количестве внутренних войск и сотрудников МВД, о расходах в этой области. Не удастся составить представление о трудовом вкладе и стоимости содержания осужденных в местах лишения свободы. Интерес представляет и труд тех членов общества, которые связали свою жизнь с монастырями, духовными заведениями, религиозными общинами. Особенно это важно сейчас, когда их вклад в общественный труд в виде восстанавливаемых, реставрируемых памятников истории наглядно виден обществу, когда труд целого социального слоя начинает выходить за рамки своего первоначального приложения и переносится, например, в здравоохранение, в оказание различного рода помощи (скажем, службы милосердия) советскому населению.

Есть и другие группы, которые занимают специфическое место в системе распределения общественного труда и которым в существующей социальной структуре пока что не находится места. «Таковы хозяйственные руководители разных уровней, работники, связанные с разделением и обменом продукции народного хозяйства, мелкие социалистические предприниматели, работники учета и делопроизводства (служащие), дельцы теневой экономики и др.» [25]. Таким образом, из-за отсутствия или неполноты информации очень сложно выделить целый ряд социальных групп и слоев, определить их место в сложившейся системе распределения общественного труда, квалифицировать их как паразитические (находящиеся на содержании общества) либо трудящиеся классы, слои.

По справочнику занятых непосредственно в материальном производстве 82 млн. человек [19, с. 363]. Из них рабочие составляют 61% [19, с. 351]. Но сюда включены младший обслуживающий персонал и работники охраны. В промышленности занято 31,3 млн. рабочих, в лесном и сельском хозяйстве — 10,9, в строительстве — 9,1, на транспорте и связи — 95 млн. [19, с. 365]. На январь 1990 г. неукомплектованность рабочих мест в промышленности составила 977 тыс., на автотранспорте — 119 тыс., в строительстве — 654, в торговле и общественном питании — 245 тыс. Текучесть кадров в трудоемких отраслях производства возросла в 1989 г. до 14—17%. Трудовые перегрузки в отраслях, не обеспеченных нужным количеством рабочих, сопровождаются ухудшением трудовой дисциплины [4, с. 2].

Число занятых непосредственно сельским хозяйством, включая привлеченных лиц, составляет 22 млн. человек [18, с. 300]. (Оно примерно равно числу управленцев, а предположительно чуть ли не вдвое меньше). Наши труженики села заняты большей частью рутинным трудом, который медленно меняется под воздействием механизации. Поэтому за внешним сходством наших и зарубежных цифр стоит их существенная, качественная разница. В АПК США занято 21 млн. человек, но отношение работников ферм к количеству занятых в других отраслях АПК составляет 1:9 [8, с. 181]. Для более точного сравнения подобного рода показателей необходимо учесть соотношение производительности труда, которая (по официальным данным) в СССР составляет 55% в промышленности и менее 20% в сельском хозяйстве от уровня США [18, с. 632]. По расчетам Б. Болотина и А. Улюкаева, в 1989 г. в промышленности уровень производительности труда в СССР составлял 45% от американского, а в сельском хозяйстве — менее 10% [26]. Годовая выработка на одного занятого в промышленности в США составила в 1986—1990 годах 59 тыс. долл. и возрастет в 1991—1995 годах до 69,5 тыс. долл. В СССР этот показатель в 1986—1990 годах равнялся 28 тыс. долл. и

увеличится до 38,3 тыс. долл в 1991—1995 годах. Налицо более чем двукратное отставание СССР от США по годовой производительности промышленного рабочего и почти десятикратное — от работника сельского хозяйства. Здесь годовая выработка одного рабочего составила в 1986—1990 годах в США 58,7 тыс. долл. и прогнозируется ее рост в 1991—1995 годах до 64,6 тыс. долл. В СССР она составляет 6,1 и прогнозируется до 7,5 тыс. долл. [26].

По подсчетам ЦРУ, общая стоимость продукции, произведенной 243,8 млн. американцев в 1987 г., составила 4436 трл. дол., а более 288 млн советских граждан произвели продукцию стоимостью лишь 2375 трл. дол. [27]. В данном случае любопытны не только цифры, но и применяемый ЦРУ метод сравнения количества населения страны с объемом производимой им продукции. В нем делается акцент на взаимозависимости этих показателей, что в высшей степени логично и применимо в нашем анализе проблемы. Из него становится ясно, что 1988 г. средний американец заработал 18,2 тыс. дол., тогда как доход среднего гражданина СССР составил сумму, эквивалентную 8,4 тыс. дол. [27]. Двукратное отставание наблюдается в ряде показателей — в общем объеме произведенной продукции в США и СССР, производительности труда одного работника (в частности, в промышленности) и его среднегодового доходе. Такая зависимость не выглядит случайностью, а носит скорее характер прямой взаимообусловленности.

В самом общественном производстве скрыта значительная доля бесполезного и просто вредного (согласно определению Фурье) труда. Об этом свидетельствуют экономические показатели, положение страны на мировом рынке и уровень жизни ее населения. Материальные издержки непроизводительного, разрушительного труда оцениваются в огромных суммах. Так, сверхнормативный объем незавершенного строительства в 1989 г. вырос на 5 млрд. руб. Стоимость законсервированных объектов в 1988 г. достигла 24,2 млрд. руб., хотя в этом же самом году начаты новые производственные стройки стоимостью 59,1 млрд. руб. Полная стоимость ведущегося строительства по линии Миннефтехимпрома СССР составила 9,8 млрд. руб. при отставании фактического строительства от нормативного в пять лет, сметная стоимость строительства, ведущегося Минхимпромом СССР — 14,4 млрд. руб. при отставании в шесть лет. В целом по стране сроки строительства в 2—3 раза превышают нормативные, а реальные затраты на строительство, как правило, в 2—3 раза превышают намечаемые (примеры КамАЗа, БАМа, Нерюнгри и т. д.). Затраты на строительство канала для переброски сибирских рек в Среднюю Азию исчислялись проектировщиками в 13,8 млрд. руб. (без учета затрат на создание производственной и социальной инфраструктуры). Реальная стоимость проекта переброски сибирских рек могла бы обойтись обществу в 90-100 млрд. руб. Экологические же последствия непредсказуемы и оценкам не поддаются. Подобного рода хозяйственную деятельность специалисты квалифицируют как экономический авантюризм [28]. «Агенты разрушительного производства», по терминологии Фурье, получают зарплату за свой труд, а бремя содержания и оплаты их деятельности становится непосильным для общества.

Использованные данные распределения населения по принципу участия в совокупном общественном труде для наглядности и сравнения можно свести в одну таблицу. (Источники цифр указывались по ходу изложения, некоторые являются результатом наших подсчетов.)

Прежде всего обратим внимание на то, что при существенном преобладании населения в СССР (почти на 44 млн. человек) производительным трудом занято *меньше*, чем в США. Если учесть львиную долю бесполезного, «разрушительного» труда, а также двукратное и десятикрат-

Распределение населения по критерию участия в совокупном общественном труде, млн. чел.

Категория населения	СССР	США
Население в целом	287,8	243,8
Нетрудоспособное	127,7	105,7
Экономически активное (трудоспособное)	160	138,1
Заняты в общественном производстве, из них:	132	119
Военнослужащие	5,2	2,1
В сфере управления	18	5
В материальном и нематериальном производстве	108,8	112
Трудоспособные, не занятые в общественном труде	28	19,1
из них:		
Обучаются с отрывом от производства	12,3	12
Не работают	15,7	7,4*

* Численность официально безработных.

ное (по разным отраслям) наше отставание от США по производительности, то невольно возникает вопрос: каким же количеством реальных тружеников создается наше совокупное общественное богатство? В промышленно развитых США работает половина населения, у нас же при низкой производительности и высокой расточительности живого труда — немногим более 1/3 населения. При этом почти в 4 раза больше управленцев и более чем в 2 раза больше вообще не работающих. В свое время Ш. Фурье, давая блестящую критику современного ему общества, писал, что 2/3 населения живет паразитически за счет остальной 1/3 населения, ничего не производя и не давая обществу. Среди паразитирующих социальных групп Фурье перечислял: 1) *паразитов домашних* (женщин, детей, стариков, прислугу, занятых непроизводительным домашним трудом); 2) *паразитов социальных* (военных, всякого рода чиновников, торговцев, юристов на службе у правящих классов, купцов и т. д.); 3) *паразитов дополнительных* (лентяев, бездельников, преступников в тюрьмах, проституток, мошенников и другие антиобщественные группы) [29]. Неловко признаваться, но похоже, мы недалеко ушли от общества, описанного Фурье.

Анализ распределения труда в СССР на рубеже 80—90 годов приводит к выводу, что всеобщую обязательность труда нельзя признать действительной. Производством совокупного общественного богатства занято около трети населения страны; порядка 20 млн. трудоспособных граждан нигде не работает, не имея статуса безработных и создавая опасную криминальную ситуацию в обществе; разрушительное действие оказывает масса «бесплезного», не присваиваемого обществом совокупного труда. Выводы следующие: наличием количеством и качеством труда невозможно обеспечить социально-экономический прогресс страны, «прорыв» из нынешней ситуации; общественная форма труда, сложившаяся в 30-е годы и действовавшая до 70-х, окончательно разрушилась в настоящее время, что создает кризис всех общественных структур; первоочередной задачей общества должна стать реформа труда, обеспечивающая вовлечение в общественный труд основной массы населения для создания экономической стабильности и социального прогресса.

В процессе исторического развития труд приобретает конкретные формы бытия, определяемые категорией «общественная форма труда», которая выражает диалектическое единство производительных сил и производственных отношений. В советской науке сложилась традиционная ха-

рактеристика социалистической общественной формы труда: труд является непосредственно-общественным, планомерным, лишенным эксплуатации, т. е. свободным, всеобщим и творческим. Сегодня такой подход к труду не может удовлетворять ни науку, ни практику. Надо признать, что в истории СССР советского периода конкретным бытием труда стала принудительная но существу общественная форма с использованием внеэкономического и экономического принуждения.

Подчиняясь диалектическим законам, развитие труда выражает сегодня потребность в новых формах своей организации. Самостоятельное и стихийное высвобождение человека из принудительной общественной формы труда свидетельствует о ее разрушении. Наше общество переживает такой исторический этап, когда произошло «сбрасывание» старой формы и началась «переделка содержания», требующая новой общественной формы труда, поиск которой составляет сущность процессов, происходящих в нашей стране, во всем социалистическом и несоциалистическом мире.

Общие тенденции развития современных производительных сил, разделения труда, взаимозависимость всех звеньев единого мирового хозяйства позволяют определить направления реформы труда в СССР:

— Освобождение труда должно идти не по пути сокращения работников, а по пути сокращения времени обязательных работ. Необходим целый комплекс мер по введению укороченного рабочего дня, подвижных графиков, работ на дому, принципа равноденности труда и отдыха (на предприятиях непрерывного цикла), динамичной системы временных работ и т. д. Непродолжительный, неусттомительный обязательный труд, дополняемый свободным творчеством в свободное время — «этот идеал общественной формы труда занимает центральное место в утопическом и научном социализме.

— Биологические особенности человека таковы, что чрезмерные нагрузки любого рода выливаются в отклонения от здоровой нормы организма. Разнообразии занятий, перемена видов деятельности, чередование труда и отдыха, увеличение свободного времени за счет сокращения рабочего, проявление без ущерба для производственного процесса индивидуальных естественных свойств, способностей и дарований (темперамент, настроение, привычки и т. д.) — все это возможно только в сообществе при коллективных формах труда. Поэтому процесс освобождения труда связан с развитием форм коллективности в сфере обязательного труда и вне ее.

Названные направления не исчерпывают, но определяют главные принципы общественной формы свободного труда. Их можно считать классическими, т. к. истоки этих идей уходят в глубину веков, а эффективность их применения подтверждает практика организации труда в развитых странах, где эти тенденции и направления получают все большее распространение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии//Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 4. С. 466.
2. Мор Т. Утопия. М.: Наука, 1978. С. 129.
3. Ильенков Г. В. Маркс и Западный мир//Вопр. филос. 1988. № 10. С. 102-103.
4. Известия. 1990. 29 января.
5. Известия. 1989. 30 июля.
6. Цифры для сравнения взяты из сообщений Госкомстата СССР: «Правда», 26 апреля 1988 г., «Известия», 20 июля 1989 г., «Известия», 26 января 1990 г. Их можно дополнить данными справочников: Народное хозяйство СССР в 1988 г. М.: Финансы и статистика, 1989; «Труд в СССР». М.: Финансы и статистика, 1988, и другими. Цифры будут совпадать в исключительно редких случаях.
7. Труд в СССР. М.: Финансы и статистика, 1988.

8. Соединенные Штаты Америки. Энциклопедический справочник. М.: Политиздат, 1988.
9. *Тольц М. С.* Недоступное измерение//В человеческом измерении. М.: Прогресс, 1988. С. 323-324.
10. Социальная структура антиперестройки. (Интервью с. гпрофессором Н. А. *Актовым*) //Социол. исслед. 1989. № 1. С. 120.
11. Огонек, 1989, № 33. С. 7.
12. *Морозова Г. Ф.* Трудоемко ли Средняя Азия?//Социологические исследования, 1989. № 6. С. 74-78.
13. *Шмелев И.* Авансы и долги//Новый мир. 1987. № 6. С. 149.
14. Аргументы и факты. 1989. № 28.
15. Собеседник. 1989. № 28.
16. Аргументы и факты. 1989. № 43.
17. Аргументы и факты. 1990. № 3. С. 7.
18. Народное хозяйство СССР за 70 лет. М.: Финансы и статистика, 1987.
19. Народное хозяйство в 1987 году. М.: Финансы и статистика, 1988.
20. *Андреев С.* Причины и следствия//Урал. 1988. № 1. С. 112.
21. Лит. газ. 1988, 1 июня.
22. Известия, 1988, 12 мая.
23. Комс. правда. 1989. 16 декабря.
24. Комс. правда. 1989. 21 января.
25. *Заславская Т. И.* О стратегии социального управления перестройкой // Иного не дано. М.: Прогресс, 1988. С. 14.
26. Коммунист, 1989, № 7. С. 127.
27. Аргументы и факты, 1989. № 1.
28. Коммунист. 1989. № 5. С. 77-81.
29. *Фурье Ш.* Новый промышленный и общественный мир. Т. 2. М.: Госсозкиздат. 1939.